

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-91-107

УДК 82.091

ББК 83.3(0)

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРОРОКА» ИБН ИСХАКА – ИБН ХИШАМА: МЕЖДУ ИСТОРИОГРАФИЕЙ И ЛИТЕРАТУРОЙ

© 2016 г. А. Б. Куделин

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 01 августа 2016 г.

Аннотация: В статье рассматривается соотношение историографической и литературной составляющих выдающегося сочинения классической арабской литературы «Жизнеописание Пророка» (*ас-Сира ан-набавиййа*) Ибн Исхака (ум. в 150/767 г.) — Ибн Хишама (ум. в 218/833 или 213/828 г.). Анализ строится на сопоставлении текста «Жизнеописания» с двумя основными компонентами доисламского и раннеисламского исторического предания Аравии — рассказами о военных столкновениях племен, известными как *аййам ал-'араб* («дни арабов»), и *хабарам* (букв. «известие», «весть», «сообщение»), содержащими информацию исторического, биографического или занимательного характера. Анализ показывает, что содержательные и функциональные особенности *аййам ал-'араб* и *хабаров* отразились на характере повествования Сиры и определили место этого сочинения между литературой и историографией. Так, «Жизнеописание Пророка» характеризуется наличием различных форм отражения действительности — от историографического принципа сообщения о событии, в целом восходящего к *хабарам*, до литературных приемов изображения события в связном рассказе, генетически связанных по преимуществу с *аййам ал-'араб*. Анализ сочинения Ибн Исхака — Ибн Хишама в соотнесении с *аййам ал-'араб* и *хабарам* и ретроспективный взгляд на него, учитывающий важнейшие тенденции в позднейшей историографии, позволяет сделать определенные выводы. Труд Ибн Исхака и отстоящие от него не менее чем на век сочинения арабских историков единит несомненное внимание к *аййам ал-'араб* и *хабарам*. И именно этим ветвям арабского доисламского и раннеисламского предания «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама во многом обязано, в частности, своим местом между историографией и литературой, сочетанием двух разнонаправленных тенденций: склонности к документальной точности сообщений о событиях и стремлением к литературному изображению событий в связном повествовании.

Ключевые слова: арабистика, доисламское и раннеисламское предание, Ибн Исхак, Ибн Хишам, *ас-Сира ан-набавиййа*, *аййам ал-'араб* (дни арабов), *хабары*, медиэвистика.

Информация об авторе: Александр Борисович Куделин — академик РАН, доктор филологических наук, профессор, научный руководитель

ИМЛИ РАН; Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: abkudelin@rambler.ru

“THE LIFE OF MUḤAMMAD” BY IBN ISHĀQ – IBN HISHĀM: BETWEEN HISTORIOGRAPHY AND LITERATURE

Alexander B. Kudelin

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: August 01, 2016

Abstract: The article examines correlations of historiographical and literary aspects within the seminal text of Arabic classics “The Life of the Prophet” (*Al-sīra al-Nabawīyya*) by Ibn Ishāq – Ibn Hishām. We build our analysis around *Al-sīra* by placing it against two essential elements of pre-Islamic and early Islamic lore of the Arabs; namely, the accounts of tribal battle clashes known as *ayyām al-‘arab* (the days of the Arabs) and *khbars* (i.e. “tidings,” “news,” “reports”), which contain information of historical, biographical, or amusing nature. Our analysis shows that the content and some operative specifics of the *ayyām al-‘arab* and *khbars* were brought to bear upon the narrative of *Al-sīra* and helped to establish its intermediate position between a work of literature and a historiography. Thus, “The Life of the Prophet” employs different modes of viewing reality – from historiographical methods of chronicling events (which look back to *khbars*) to literary techniques of coloring these events and putting them into a coherent narrative form (which are genetically similar to *ayyām al-‘arab*). By retrospectively observing the Ibn Ishāq – Ibn Hishām writing against the *ayyām al-‘arab* and *khbars* in the light of the achievements of modern historiography, we may venture certain conclusions. The work of Ibn Ishāq – Ibn Hishām, as well as the works of Arabic historians written over a century later, extensively drew upon the days of the Arabs and *khbars*. It is to these mainstays of pre-Islamic and early Islamic Arabic lore that “The Life of the Prophet” is indebted in manner and form: it looms large between historiography and literature; it brings together two different tendencies – a search after documentary precision and after artistic and coherent depiction of the narrated events.

Keywords: Arabic studies, pre-Islamic and early Islamic narratives, Ibn Ishāq, Ibn Hishām, *Al-sīra al-Nabawīyya*, *ayyām al-‘arab* (the days of the Arabs), *khbars* (*akhbār*), Medieval studies.

Information about the author: Alexander B. Kudelin, Academician of the RAS, Doctor of Philological Sciences, Professor, Scholarly Director, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: abkudelin@rambler.ru

«Жизнеописание Пророка» (*ас-Сира ан-набавиййа*) Ибн Исхака
(ум. в 150/767 г.) – Ибн Хишама (ум. в 218/833 или 213/828 г.)

издавна рассматривается как исторический источник и, конечно же, прежде всего как источник сведений о жизни и деятельности основателя ислама. обстоятельно исследованное как историографический труд, оно гораздо менее изучено как *памятник литературы*. Специального монографического литературоведческого анализа Сиры до сир пор не предпринимали ни отечественные, ни зарубежные ученые.

Между тем это выдающееся сочинение классической арабской письменной традиции несомненно характеризуется сочетанием элементов историографии и литературы. В этом отношении оно не представляет собой исключительного явления в средневековой словесности. Здесь можно сослаться хотя бы на пример древнерусской литературы. В свое время Д. С. Лихачев, отметив различие между летописцем и составителем Хронографа: первый «был историком по преимуществу» и «ценил документальность своих записей», второй «был, наоборот, литератором» и «его отношение к материалу было по преимуществу литературным», — подробно описал «проникновение хронографических способов повествования в летопись», что привело к усилению «чисто литературных сторон летописания в ущерб исторической точности» [15, с. 331, 340, 346, 354 и др.]. Об этой же стороне русского летописания говорит и В. Л. Янин: «Основной источник знаний о начальных веках русской истории — “Повесть временных лет” — является в равной степени продуктом и историографии, и литературы. Она не прямо отражает современную ее рассказам действительность, а через призму художественного осмысления...» [17].

В свете сказанного вопрос соотношения историографических и литературных аспектов Сиры Ибн Исхака — Ибн Хишама заслуживает более пристально внимания.

Устоявшуюся в начале прошлого века точку зрения по данному вопросу излагает Дж. Леви делла Вида. Ссылаясь на труды ученых конца XIX — начала XX вв., и прежде всего на работы И. Гольдциера, он квалифицирует это сочинение как «собрание нарративных хадисов»¹, особым образом организованных в связное повествование [25], т. е. ставит акцент на преобладании в Сире исторического начала. Вместе с тем этот же исследователь, характеризуя в ней описания военных кампаний мединского периода жизни Мухаммада, говорит о них как о повествовательных элементах, имеющих принципиально иное происхождение: «Эти рассказы являются всего лишь продолжением или развитием литературы *аййам ал-'араб*» [25, с. 440] и склоняется, таким образом, к выделению особой роли в сочинении литературных аспектов.

¹ Хадис — предание о событиях жизни основателя ислама Мухаммада.

Как мы увидим позднее, воздействие *аййам ал-‘араб* распространилось не только на батальные сцены в Сире Ибн Исхака — Ибн Хишама. Однако здесь нам важнее заметить, что мнение об особой роли *аййам ал-‘араб* в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама разделяется сегодня многими востоковедами². Оно должно учитываться при обсуждении комплекса разнообразных историографических и литературоведческих проблем, которые призван решать исследователь этого памятника средневековой арабской литературы.

В стадийно-типологическом плане основные нарративные элементы Сиры Ибн Исхака — Ибн Хишама могут быть разделены на две большие группы: а) компоненты доисламского и раннеисламского историко-генеалогического предания (повествовательные элементы */аййам* и *хабары*/, сообщения о родословиях */ансаб*/, стихи)³; б) компоненты прозаического и поэтического предания о жизни и деятельности Пророка ислама и его ближайших сподвижников.

В настоящей работе мы уделим основное внимание *аййам ал-‘араб* и *хабарам*, содержательные и функциональные особенности которых во многом отразились на характере повествования Сиры и тем самым определили место этого сочинения между историографией и литературой.

Перейдем к рассмотрению компонентов доисламского и раннеисламского исторического предания *аййам ал-‘араб* и *хабаров* в «Жизнеописании Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама и других, относительно близких к нему хронологически, историографических сочинениях. Начнем с *аййам ал-‘араб*.

Прозаические рассказы, за которыми в средневековой арабской традиции закрепилось название *аййам ал-‘араб* или просто *ал-аййам* (*йаум* — ед. ч., *аййам* — мн. ч. — «день»; соответственно «дни арабов» и «дни»), выполняли «функцию исторического повествования о доисламском прошлом Аравии». В них обычно говорится о более или менее значительных военных столкновениях племен или родов. Эти сообщения были прежде всего информацией; «при описании события, факта в центре внимания находится чаще всего этико-правовой казус, способ и обстоятельства его разрешения: в чем заключалось нарушение родовых установлений и как оно было компенсировано»⁴.

² Продолжение этой линии можно видеть в утверждении, согласно которому «магази (военные походы) суть исламизированный сиквел аййам ал-‘араб» (ссылку на статью: [30] см. в: [31, р. 189]). О влиянии на Ибн Исхака традиции аййам ал-‘араб говорят и другие исследователи (см., например: [24; 29; 3]). Подробно эта проблематика рассматривается в: [13].

³ О компонентах данной группы см.: [5, с. 124].

⁴ Подробнее см.: [5, с. 129–130, 136].

Из средневековых источников известно, что наибольшее число *аййам ал-'араб* было собрано двумя авторитетными учеными Абу 'Убайдой (110–209/728–824–5) и Ибн ал-Калби (ок. 120–204 или 206/737–819 или 821). Согласно сведениям Ибн ан-Надима (ум. между 380 и 388/990 и 998 гг.) и Ибн Халликана (608–681/1211–1282), Абу 'Убайда написал два обобщающих труда об *аййам* — краткий с описанием 75 «дней», и пространный, в котором говорится о 1200 «днях»⁵. Хишам ибн Мухаммад ибн ас-Са'иб ал-Калби (обычно именуемый Ибн ал-Калби) получил признание, согласно Ибн ан-Надиму и Йакуту (575–626/1179–1229), прежде всего как историк и как знаток генеалогии арабских племен и преданий *аййам ал-'араб* [7, с. 108–111; 11, с. 287–292]⁶.

Ни один из упомянутых Ибн ан-Надимом, Йакутом и Ибн Халликаном трудов о «днях арабов» Абу 'Убайды, Ибн ал-Калби и других средневековых авторов не дошел до нас в своей первоначальной форме, однако значительные выдержки из них сохранились в сочинениях их прямых и косвенных учеников, а также у поздних филологов и историков⁷. Основной массив текстов *аййам* содержится во вторичных источниках, таких, как: комментарии ас-Суккари (212–275 или 290/827–888 или 903) к «*Нака'ид*» Джарира (ок. 33–111/ок. 653–729) и ал-Фараздака (ок. 20–110 или 112/ок. 640–728 или 730) в версии Абу 'Убайды (110–209/728–824–5), «*ал-Икд ал-фарид*» Ибн 'Абд Раббиха (246–328/860–940), «*Китаб ал-агани*» ал-Исфахани (284–356/897–967), комментарии ат-Тибризи (421–502/1030–1109) к «*Китаб ал-Хамаса*» Абу Таммама (р. в 188/204 или в 190/806, ум. в 231/845 или в 232/846), «*ал-Камил фи ат-та'рих*» Ибн ал-Асира (558–637/1163–1239), энциклопедия «*Нихайат ал-араб фи фунун ал-адаб*» ан-Нувайри (VIII/XIV в.) и др. Отдельно упомянем ал-Майдани (ум. в 518/1124), который говорит об *аййам* в своем труде «*Маджма' ал-амсал*»⁸.

Обратимся теперь ко второму компоненту доисламского и раннеисламского исторического предания — *хабарам*.

⁵ Ибн ан-Надим [7, с. 60 и др.] и Ибн Халликан [9] называют в упомянутых сочинениях и другие труды Абу 'Убайды о «днях арабов».

⁶ Современные исследования подтверждают выдающуюся роль Ибн ал-Калби в истории арабской культуры [18; 21; 16].

⁷ Подробнее об *аййам ал-'араб* см. в: [27; 28; 20; 26; 19; 12]. В этих же работах см. библиографию источников и исследований по данному вопросу.

⁸ Повествование ал-Майдани очень кратко, но содержит полезную информацию (признание собственных имен и названий, перечисление племен, участвовавших в битвах и т.п.). В главе 29 его труда упоминается 132 доисламских «дня»; в дополнение, во 2 части этой главы, перечисляются 88 исламских «дней» [1, с. 518–537, 538–545].

Хабар (*хабар* — ед. ч., мн. ч. *ахбар* — букв. «известие», «весть», «сообщение») в предании означает информацию исторического, биографического или занимательного характера⁹.

Хабары были собраны в трудах, не дошедших до наших дней. О трудах известно лишь то, что они были скомпилированы приблизительно между 750 и 850 гг. несколькими учеными, среди которых наиболее цитируемы: Ибн Исхак (ум. 150/767), Абу Михнаф Лут ибн Йахйя (ум. 157/774), Сайф ибн 'Умар (ум. ок. 180/796), Хишам ибн Мухаммад ал-Калби (ум. 204/809), ал-Хайсам ибн 'Ади (207/822), Мухаммад ибн 'Умар ал-Вакиди (ум. 207/822), 'Али ибн Мухаммад ал-Мада'ини (135–226 или 228/752–841 или 842–3) и Мухаммад ибн Са'д (ум. 230/845) [22].

За отсутствием сборников *хабаров* предпримем попытку составить представление о них по имеющимся в нашем распоряжении авторитетным историческим компиляциям ал-Балазури (ум. 279/892–893) и ат-Табари (224–310/839–923), где они широко использовались, согласно солидарному мнению средневековых и современных ученых. В привлекаемых нами историографических сочинениях опора на сообщения из утраченных сборников *хабаров* представляется достаточно очевидной, а в некоторых случаях подтверждается и определенными ссылками (так называемыми *иснадами*). Оба историографа хронологически относятся к одной эпохе, что делает наши наблюдения более наглядными и убедительными, при том что, конечно же, в них необходимо вносить коррективы, так как самые тексты сообщений подвергались редактированию, сокращению и т. п., короче говоря, подвергались обработке.

В разъяснениях относительно «дней арабов» и *хабаров* акцент ставится на их информационной стороне, подчеркивается их значение как исторических и этико-правовых элементов культуры доисламской Аравии. Но это лишь одна сторона дела, касающаяся историографической, и вообще фактографической, составляющей *аййам ал-'араб* и *хабаров*. Не менее важна и вторая сторона данного компонента доисламского и раннеисламского исторического предания арабов — литературная, о чем также необходимо помнить.

Прежде чем перейти к практическому анализу текстов *аййам ал-'араб*, *хабаров*, «Жизнеописания Пророка» и других историографических сочинений, обратимся к одному из наблюдений, сделанных Д. С. Лихачевым на материале древнерусской литературы. Оно окажется полезным и для нашего анализа. «В литературных

⁹ Подробнее см.: [5, с. 124 и др.]. Такое понимание термина совпадает или близко другим исследователям. Так, у Венсинка мы находим определение: «...хабар означает единицу информации исторического, биографического или даже занимательного характера...» [32]. Сходно трактует хабар К. А. Бойко [4]. См. также: [12].

произведениях следует различать сообщение сведений о событиях, рассказ о событиях и изображение событий, — пишет ученый (разрядка автора. — А.К.). — По мере освобождения русской литературы в XVI и XVII вв. от средневековых принципов повествования в ней всё большее и большее место начинает занимать стремление к изображению событий. Художественное воображение постепенно становится способным не только всё более точно рассказывать о действительности, но и воспроизводить действительность, создавать иллюзию действительности, вызывать у читателя ощущение присутствия при совершающемся в произведении» [14, с. 281].

В текстах памятников средневековой арабской литературы вполне очевидно могут быть выявлены присущие им в той или иной степени различные признаки отражения действительности — от информационного отчета о событии в сообщении до его изображения в достаточно живой картинке-зарисовке. Вместе с тем необходимо сказать, что зарегистрированная Д.С. Лихачевым тенденция — «стремление к изображению событий», отмечаемая нами и в средневековой арабской литературе, при попытке установить границы между «сообщениями сведений о событиях», «рассказами о событиях» и «изображениями событий» при практическом взгляде на конкретный материал, как мы увидим позднее, окажется не столь явственной, а самые границы между разными типами реакции на «события» зачастую будут весьма зыбкими и условными. Приняв во внимание этот допуск, приступим к обзору текстов.

Рассмотрим сначала два текста из «дней арабов».

В рассказе «День ал-Ваakit»¹⁰ говорится, что «союзные племена из бану Бакр ибн Ва'ил, известные под названием ал-лахазим, решили напасть на племя тамим, воины которого в то время были в набеге». Один из воинов тамим, Нашиб ибн Башама ал-'Анбари, находившийся в плену у племен ал-лахазим, решил предупредить своих соплеменников о готовящемся набеге. Для этого ему пришлось прибегнуть к хитрости. Получив от ал-лахазим разрешение направить к своим сородичам юношу с якобы домашними поручениями, он в их присутствии на самом деле снабдил его зашифрованной информацией о готовящемся нападении. Тамимиты, поняв смысл сообщения с предупреждением, переменили место кочевки. Однако племена ал-лахазим нагнали их в месте ал-Ваakit, где и завязался бой, в ходе которого были и убитые, и пленные. Знатные воины с обеих сторон обменивались в ходе сражения стихами.

¹⁰ См.: День ал-Ваakit / пер. с араб. и прим. Вл. В. Полосина [2, с. 112–114]. При цитировании перевода изменена транскрипция некоторых арабских имен.

Рассказ имеет отчетливо выраженный аисториографический характер. Главное место в нем — и содержательно, и по объему — занимает эпизод с формулированием хитроумной информации о готовящемся набеге. Замаскированная операция по введению противника в заблуждение осуществляется в несколько этапов. Вначале тамимит проводит внешне обоснованное испытание интеллектуальных способностей посланника из племени ал-лахазим с помощью несложных вопросов, которые, как оказалось впоследствии, уже содержали, наряду с внешней, тестовой, и зашифрованную информацию. Получив верные ответы на вопросы, тамимит затем формулирует посланнику якобы невинные поручения к соплеменникам. Расшифровка информации Нашиба ибн Башама соплеменниками и союзниками тамимитов также осуществляется по законам фольклорного повествования о загадках-отгадках: неверная интерпретация (ложный ход — сознательное затягивание действия, предусмотренное фольклорной поэтикой) — верная интерпретация (разгадка) и т. д.

Текст «День ал-Ваakit» содержит существенные художественные детали — меткие портретные характеристики, живые диалоги, точные детали описаний, стихи, наполненные фигурами и тропами, и пр.

Обратимся ко второму рассказу — «День ан-Нафрават» (пер. с араб. и прим. Вл. В. Полосина [2, с. 125–127])¹¹.

В нем повествуется о *господине* племен хавазин Зухайре ибн Джазиме ал-‘Абси, притеснявшем своих соплеменников. Однажды, когда Зухайр грубо обошелся со старой женщиной из племени, его соплеменник Халид ибн Джа‘фар поклялся ему отомстить. В рассказе подробно освещаются все перипетии истории, закончившейся гибелью Зухайра от руки Халида.

«День ан-Нафрават», как и «День ал-Ваakit», хотя и содержит некоторые документально точные детали, скорее может быть охарактеризован как литературное повествование, нежели как историографическое сообщение. Рассказ содержит многочисленные портретные характеристики героев, психологические мотивировки их действий, яркие диалоги и монологи, подробные дескриптивные пассажи. Особо необходимо отметить превосходное изображение батальных сцен, описание предметов воинского облачения, скорее свойственное более поздним историческим романам, чем средневековым историческим хроникам. Это та самая особенность поэтики «дней арабов», о которой не раз говорили востоковеды в прямой связи с соответствующими эпизодами Сиры. Наконец, как и в предыдущем тексте, герои рассказа произносят пышные стихи (обычно с угрозами в адрес противников и с воспеванием своей воинской до-

---

¹¹ При цитировании перевода изменена транскрипция некоторых арабских имен.

блести), историографическое значение которых едва ли стоит переоценивать.

Теперь сопоставим с рассказами «дней» соответствующие фрагменты из Сиры Ибн Исхака — Ибн Хишама. В первом из них в рамках повествования о приготовлениях курайшитов-язычников к битве при Бадре (624 г.) говорится об их военном столкновении с кинанитами задолго до событий, предшествовавших сражению с мусульманами Медины ([8], далее: Великая битва при Бадре...).

Рассказ о военных столкновениях курайшитов с кинанитами (в Сире столкновения называются «войной»), взятый сам по себе, вне контекста описания битвы при Бадре, выглядит как сколок с «дней арабов». Фрагмент из главы «Великая битва при Бадре» соответствует духу *аййам ал-'араб* и во многом совпадает с их буквой. В нем присутствуют беллетризованные элементы повествования, живые диалоги, индивидуальные детали в портретах и характерах действующих лиц. Стихи, произнесенные героем, являются данью поэтическому канону, содержат фигуры и тропы. Отличия также вполне определены. Историографическая и — в данном случае связанная с ним — филологическая (как элемент рефлексии над текстом) составляющие фрагмента обнаруживаются сразу. Рассказ начинается автоотсылкой текста к автору, Ибн Исхаку, что является одним из обязательных свидетельств надежности происхождения информации. Стихи снабжены комментарием трудных слов, инкорпорированным в текст рассказа. И, наконец, что самое важное, рассказ дважды — в начале и в конце эпизода — эксплицитно привязывается к повествованию о битве при Бадре. Тем самым яркий и вполне самодостаточный сам по себе рассказ как элемент композиции превращается в границах повествования о битве при Бадре в «сообщение о событии».

Скажем несколько слов еще об одном отрывке из Сиры с описаниями поединков перед битвой при Бадре [8, с. 83–84]. В нем последовательно говорится о 4 поединках курайшитов-язычников с мединцами-мусульманами. Как и в предыдущем сопоставлении, мы обращаем внимание на близость текстов «дней» с сочинением Ибн Исхака — Ибн Хишама по многим важным параметрам. Нюанс состоит лишь в том, что на этот раз речь идет о сходстве в кратких точных индивидуальных характеристиках физических и моральных качеств героев, в живых монологе и диалогах при описании военных сцен. Отличия также во многом прежние. Правда, историографическая составляющая текста из Сиры все-таки на этот раз оказывается более явной; филологический компонент (на этот раз приводится вариант одной из реплик диалога), как и автоотсылка текста к автору, Ибн Исхаку, также присутствуют.

Эпизод эксплицитно привязывается к повествованию о битве при Бадре; запоминающийся и самостоятельный, хотя и небольшой по объему, рассказ функционально превращается в «сообщение о событии».

Краткие характеристики *хабаров* в интересующих нас аспектах мы постараемся наметить на основе материала двух обширных компиляций — «Книги завоеваний стран» («Китаб футух ал-булдан») ал-Балазури (ум. 279/892–893)¹² и «Истории пророков и царей» («Та'рих ар-русул ва ал-мулук») ат-Табари (224–310/839–923)¹³.

Некоторые тексты двух компиляций можно охарактеризовать как сухие историографические сообщения о тех или иных событиях. Прочие тексты в большей или меньшей мере содержат детали, расцветивающие сообщения. Это уже не сухая историографическая информация, а рассказы об определенном событии. Однако говорить о том, какая часть из них может квалифицироваться как «рассказы о событиях», а какая — как «изображение событий» было бы очень смело. Заметим лишь, что во многих текстах содержатся тонкие психологические и наглядные штрихи к портретам героев. Ряд текстов обладает, на наш взгляд, необходимыми чертами, позволяющими отнести их к мини-изображениям (точные портретные детали, живые диалоги, элементы изображения действий и т. п.). В текстах ат-Табари отмечаются яркие детали, элементы «изображения события».

Таким образом, можно говорить в самом общем плане, что литературное воздействие «дней арабов» затронуло не только Сиру Ибн Исхака — Ибн Хишаму, но и более поздние историографические компиляции ал-Балазури и ат-Табари.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что историографическая составляющая несомненно остается главной в трудах ал-Балазури и ат-Табари. С сочинениями, в основе которых лежит *хабарный* материал, их роднит важнейшая черта, отмечавшаяся нами и в Сире, — дискретность информационных единиц их сочинений. Здесь мы напомним о рассуждениях о дискретности арабского доисламского и раннеисламского исторического предания, давно ставшего «общим местом» в арабистических штудиях. Авторы компиляций не предпринимали усилий для создания связного повествования о событиях (“a unified narrative of events”), — гласит устоявшееся и достаточно обоснованное суждение (подробнее см.: [22, p. 272]).

«Событийность» была главным принципом отбора и организации материала как в доисламских, так и в ранних формах исторического повествования после прихода ислама. Историческое сообщение в со-

---

¹² Для анализа привлечены тексты: [6].

¹³ Для анализа привлечены тексты: [6; 10].

ставе предания было «вестью о событии», «обычным сообщением о происшедшем», — настаивает П. А. Грязневич. И далее ученый развивает свою мысль. В историческом предании преобладало «сообщение об одном или нескольких конкретных фактах недавнего прошлого, а не связное повествование о событиях, объединенное общей идеей», «господствовал принцип “событийной” группировки информации: весь исторический материал концентрировался вокруг “памятного” события (происшествия...), чем-то поразившего воображение современников, или значимого как этико-правовой прецедент... Это обусловило и злободневность, и *дискретный характер исторического сообщения в составе предания*: это были “весть”, “известие”, “сообщение” (*наба’, хабар, хадис, зикр* и т. п.)» (курсив наш. — А. К.) [5, с. 144, 135–137 и др.]¹⁴.

В наблюдениях П. А. Грязневича мы обращаем особое внимание на слова о дискретности исторического сообщения «*в составе предания*». Такой ракурс в освещении вопроса допускает возможность того, что взятое само по себе отдельное историческое сообщение может обладать — и в действительности часто обладало — характеристиками связного повествования. Вновь обратимся к рассматривавшимся ранее текстам.

Рассказ «День ал-Ваakit» из *аййам ал-‘араб* и фрагмент из главы «Великая битва при Бадре» о подготовительных мероприятиях мекканцев перед Бадром свидетельствуют о важных различиях данных текстов в указанном аспекте. Текст из «дней арабов» предстает перед нами как связное сюжетное повествование. Фрагмент из Сиры интегрирован в описание битвы при Бадре как эпизод, имеющий не самостоятельное значение, а именно как эпизод, связанный с данной битвой. Формально он даже не имеет непосредственного отношения к описанию битвы. Ибн Исхак мог бы ограничиться кратким упоминанием конфликта курайшитов с кинанитами как еще одного из обстоятельств, осложнявших подготовку мекканцев к походу. Тем не менее автор жизнеописания Пророка разворачивает описание эпизода и дважды во вступлении и в заключении к нему как бы мотивирует необходимость его присутствия в данной главе. И всё-таки данный эпизод, текст которого сам по себе характеризуется связностью повествования, в главе о битве при Бадре превращается в «весть», «известие», «сообщение».

¹⁴ Сходные мысли высказывают авторы статьи Та’рих [22]: сборники сообщений-хабаров были скорее сводами отдельных единиц информации, относящихся каждый раз к определенному событию из некоего заданного перечня событий, нежели целостными повествованиями о том или ином из этих самых событий; большинство из них носило скорее «монографический», чем «синтезирующий» характер: в рамках одного сборника приводились вместе отдельные отчеты об одном отдельно взятом крупном событии (подробнее см.: Та’рих. [22, р. 273а — 273б]).

Здесь нам представляется полезным вновь сослаться на опыт изучения подобных сочинений в мировой медиевистике. Так, Д. С. Лихачев, говоря о существовании в разных жанрах исторического повествования древнерусской литературы связного рассказа, подчеркивал при этом свойственную данному рассказу «большую или меньшую ограниченность, замкнутость времени пределами рассказа»: «Будучи включенными в летопись, эти связные и замкнутые исторические повествования получали новую художественную функцию: их замкнутость разрушалась, рассказ становился записью, сюжет превращался в событие» [14, с. 268–269].

В свете данного рассуждения «День ал-Вакит», напротив, предстает перед нами как связное повествование, самодостаточный рассказ. В составе сборника *аййам ал-'араб* он функционирует, если использовать формулировку авторов статьи Та'г'ikh [22], как отдельный отчет об одном отдельно взятом крупном событии. Он не «становится записью», не «превращается в событие», подобно рассказу о войне курайшитов с кинанитами, также связному повествованию, но включенному как эпизод-«событие» в главу о битве при Бадре.

В батальных текстах из «дней арабов» и Сиры имеются те же отличия. Рассказ «Дня ан-Нафрават» закончен и самостоятелен. Фрагмент из Сиры представляет собой два небольших эпизода, два «сообщения» в ряду других сообщений большего или меньшего объема, иногда довольно слабо связанных друг с другом, из которых собственно и состоит весь рассказ о битве.

Данные частные наблюдения подкрепляются общими оценками текста описания битвы при Бадре. Ибн Исхак многократно приводит в сводном отчете не только небольшие единичные сообщения с существенными для понимания обстоятельств битвы при Бадре данными, но и значительные по объему вставные рассказы и эпизоды. По нашим ориентировочным подсчетам общее число таких больших и малых нарративных сегментов, сопровождаемых формулой: «кала Ибн Исхак» или — реже — «кала» («Ибн Исхак сказал»; «он /Ибн Исхак. — А. К./ сказал»), приближается к 60-ти [23, с. 432–475].

Такие сегменты-сообщения, имеющие, как правило, непосредственное отношение к битве при Бадре, часто не связываются ни с предыдущим, ни с последующим абзацами повествования о битве. Они дают хорошее представление о сборниках *хабаров* и компилятивных исторических сочинениях, в составе которых сообщения «примыкали» друг к другу, существовали изолированно, сами по себе вне связного повествования. Текст таких историографических сочинений создавался, по образному выражению Д. С. Лихачева, путем «механической “подшивки” отдельных документов-сведений» [14, с. 268–269].

Многие тексты «дней арабов» и Сиры существенно выходят за пределы «сообщения сведений о событии». Они не только представляют собой «рассказ о событии», но нередко содержат элементы «изображения события»: «стремление к изображению событий» приносит вполне осязаемые результаты.

Вместе с тем было бы неверно полагать, что «сообщения сведений о событии», т. е. «сухие» и достаточно точные документально отчеты занимают подчиненное положение по отношению к литературным, беллетризованным текстам в «Жизнеописании Пророка».

Анализ сочинения Ибн Исхака — Ибн Хишама в соотнесении с *аййам ал-'араб* и *хабарам* и ретроспективный взгляд на него, учитывающий важнейшие тенденции в позднейшей историографии, позволяет сделать определенные выводы. Труд Ибн Исхака — Ибн Хишама и отстоящие от него не менее чем на век сочинения арабских историков единит несомненное внимание к *аййам ал-'араб* и *хабарам*. И именно этим двум ветвям арабского доисламского и раннеисламского предания «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама во многом обязано, в частности, своим местом между историографией и литературой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Майдани, ал-* А. Маджма' ал-амсал (Собрание пословиц). Т. 1–2. Бейрут, 1961. Т. 2: Глава 29. С. 518–537, 538–545.
- 2 Аравийская старина. Из древней арабской поэзии и прозы / отв. ред. Б. Я. Шидфар. М.: Наука, 1983. 142 с.
- 3 *Бойко К. А.* Сира // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 209.
- 4 *Бойко К. А.* Хабар // Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 259–260.
- 5 *Грязневич П. А.* Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.) // Очерки истории арабской культуры. V–XV вв. М.: Наука, 1982. С. 75–155.
- 6 Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.; Л.: АН СССР, 1960. Т. 1: Арабские источники VII–X вв. / пер. Л. Е. Куббеля, В. В. Матвеева. 399 с.
- 7 *Ибн ан-Надим (ан-Надим)*. Книга ал-фихрист (Каталог) / ред. Р. Таджадуд. Тегеран: Тип. ал-Марви, 1971. 602 с.
- 8 *Ибн Исхак — Ибн Хишам*. Жизнеописание Пророка. Великая битва при Бадре / предисл. А. Б. Куделина. Пер. с араб. и комм. А. Б. Куделина и Д. В. Фролова. Подготовка араб. текста и комм. М. С. Налич. М.: Ин-т Европы РАН, «Русский сувенир», 2009. С. 61–64.
- 9 *Ибн Халликан*. Вафаййат ал-а'йан ва анба' абна' аз-заман (Кончины великих и сообщения о сынах времени) / ред. И. 'Аббас. Т. 1–8. Бейрут: Дар ас-сакафа, 1968–1972. Т. 5. С. 239.

10 История ат-Табари. Избранные отрывки / пер. с араб. В. И. Беляева с дополн. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987. 440 с.

11 *Йакут ал-Хамиви*. Му'джам ал-удаба' (Словарь литераторов). Т. 1–20. Каир, 1922. Репринт: Бейрут, [б.г.]. Т. 19. С. 287–292.

12 *Кади, ал- М.* Ал-Хабар фи ал-адаб ал-'араби. Дираса фи ас-сардиййа ал-'арабиййа (Хабар в арабской литературе. Исследование арабской нарративности). Тунис: Куллият ал-адаб, Мануба; Бейрут: Дар ал-Гарб ал-ислами, 1998. 744 с.

13 *Куделин А. Б.* «Ас-Сира ан-набавиййа» Ибн Исхака — Ибн Хишма: к истории текста и проблеме авторства // Письменные памятники Востока. 2009. № 2 (11). С. 90–100.

14 *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 376 с.

15 *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 492 с.

16 *Полосин Вл. В.* Предисловие // Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах / Китаб ал-аснам / пер. с арабск., предисл. и примеч. Вл. В. Полосина. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1984. С. 9–12.

17 *Янин В. Л.* Предисловие // *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 1990. Кн. I, вып. 1–3. 1069 с.

18 *Atallah W.* al-KALBĪ // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Vol. IV (1997). P. 494–496.

19 *Borg G.* Battle Days // Encyclopedia of Arabic Literature. Vol. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. Vol. 1. P. 141–142.

20 *Caskel W.* 'Ajjām al-'Arab, Studien zur altarabischen Epik' // Islamica 3, Suppl. (1930). S. 1–99.

21 *Conrad L. I.* Ibn al-Kalbī // Encyclopedia of Arabic Literature. Vol. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. Vol. 1. P. 340–341.

22 *Dalen, B. van, Humphreys R.S., Marín Manuela, Lambton, Ann K.S., Woodhead Christine, Athar Ali, M., Hunwick J. O., Freeman-Grenville G.S.P., Proudfoot I., Blois, F. C. de. Ta'riḫh* // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Vol. X (2000). P. 273.

23 Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd. I–II. Göttingen, 1858–1860. Bd. I. S. 432–475.

24 *Khoury R. G.* Les sources islamiques de la "Sīra" avant Ibn Hishām (m. 213/834) et leur valeur historique // La vie du Prophète Mahomet. Colloque de Strasbourg (octobre 1980) P., 1983. P. 26–29.

25 *Levi Della Vida G.* Sīra // The Encyclopaedia of Islam (1st edn — EI¹). Leiden, E. J. Brill, 1913–1942. Vol. VII. P. 440–441.

26 *Meyer E.* Der historische Gehalt der Aiyām al-'Arab. Wiesbaden, 1970. 132 p.

27 *Mittwoch E.* Ayyām al-'Arab // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²). Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Vol. I (1986). P. 793–794.

28 *Mittwoch E.* Proelia Arabum panagorum (Ajjām al-'Arab) quomodo litteris tradita sint (Diss.). Berlin: Berolinum Mayer, 1899. 159 p.

- 29 Schœler G. *Écrire et transmettre dans les débuts de l'islam*. P.: Presses universitaires de France, 2002. VII+171 p.
- 30 Sezgin U. *Abū Miḥnaf: ein Beitrag zur Historiographie der Omayyadenzeit*. Leiden: E. J. Brill, 1971. 190 p.
- 31 *The Cambridge History of Arabic Literature. Religion, learning and science in the 'Abbasid period*. Cambridge Univ. Press, 1990. 189 p.
- 32 Wensink A. J. *Khābar // The Encyclopaedia of Islam (2nd edn — EI²)*. Leiden and London: E. J. Brill, 1960–2004. Vol. IV (1997). P. 895.

REFERENCES

- 1 Maydāni, al-A. *Majma' al-amthāl*. (Sobraniye poslovsits [A Collection of Proverbs]). Vol. 1–2. Beirut, 1961, vol. 2, ch. 29, pp. 518–537, 538–545.
- 2 *Araviiskaya starina. iz drevnei arabskoi poezii i prozy* [The Arabian antiques. From the old Arabic poetry and prose, Ed. B. Ya. Shidfar]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 142 p. (In Russ.)
- 3 Boiko K. A. Sira [Al-sira]. *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An Encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1991. P. 209. (In Russ.)
- 4 Boiko K. A. Khabar [Khabar]. *Islam: Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. An Encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1991. P. 259–260. (In Russ.)
- 5 Gryaznevitch P. A. Razvitiye istoricheskogo soznaniya arabov VI–VIII vv. [The rise of historical consciousness of the Arabs (the 6th–8th cent.)]. *Ocherki istorii arabskoi kultury, V–XV vv.* [Essays on the history of the Arabic culture, the 5th–15th cent.]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 75–155. (In Russ.)
- 6 *Drevniye i srednevekovyye istochniki po aetnografii i istorii Afriki yuzhneye sakhary. T. 1. Arabskiye istochniki VII–X vv.* [The Ancient and Medieval sources for ethnographic and historical studies of parts of Africa to the South of the Sahara. Vol. 1. Arabic sources of the 7th–10th cent.], trans. by L. Ye. Kubbel', V. V. Matveyev. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1960. 399 p.
- 7 Ibn al-Nadim. *Kitāb al-Fihrist*. (Katalog). Ed. Tajaddud. [Ibn al-Nadim. Kitāb al-Fihrist (A Catalogue)]. Tehran, Tip. al-Marvi Publ., 1971. 602 p.
- 8 Ibn Ishaq — Ibn Hisham. *Zhizneopisaniye Proroka. Velikaya bitva pri Badre* [The Life of the Prophet. The Great Battle of Badr], Foreword by A. B. Kudelin, Trans. from the Arabic and Notes by A. B. Kudelin, D. V. Frolov. Arabic text is prepared and comment. by M. S. Nalich. Moscow, In-t Evropy RAN, «Russkii souvenir» Publ., 2009, pp. 61–64.
- 9 Ibn Khallikan. *Wafayāt al-a'yān wa-anbā' abnā' al-zamān*, (Konchiny velikikh i soobscheniya o synakh vremeni [Deaths of Eminent Men and History of the Sons of the Epoch: In 8 vols.]). Ed. I. 'Abbās. Beirut: Dār al-saqāfa, 1968–1972. Vol. 5. P. 239.
- 10 *Istoriya al-Tabari. Izbrannyye otryvki* [The "History" by Al-Tabari. Selections], trans. from the Arabic by V. I. Belyaev, suppl. by O. G. Bolshakov, A. B. Khalidov. Tashkent, Fan Publ., 1987. 440 p.
- 11 Yaqut al-Hamawi. *Muḥjam al-udabā'*: v 20 t. (Slovar' literatorov) [Dictionary of Writers: In 20 vols.]. Cairo, 1922. Rpt.: Beirut, [n.d.]. Vol. 19. P. 287–292.
- 12 Qādī, al- M. *Al-Khabar fī al-adab al-'arabī. Dirāsa fī al-sardiyya al-'arabiyya*. (*Khabar v arabskoi literature. Issledovaniye arabskoi narrativnosti* [Khabar in Arabic

literature. A Study of Arabic Narrativity]). Tunis: Kullīyat al-ādāb, Manūbah Publ.; Beirut: Dār al-Garb al-Islāmī Publ., 1998. 744 p.

13 Kudelin A. B. "Al-sīra al-Nabawīyya by Ibn Ishāq, Ibn Hishām: k istorii teksta i probleme avtorstva. [On the history of the text and on problems of attribution]". *Pamyatniki pis'mennosti Vostoka*. [Written Monuments of the Orient], 2009, no 2 (11), pp. 90–100. (In Russ.)

14 Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [The Poetics of Old Russian Literature]. 3rd ed., extended. Moscow, Nauka Publ., 1979. 376 p. (In Russ.)

15 Likhachev D. S. *Russkiye letopisi I ikh kul'turno-istoricheskoye znachenīye* [The Russian chronicles and their cultural significance]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1947. 492 p. (In Russ.)

16 Polosin V. V. *Predisloviye: Hishām Ibn al-Kalbi. Kitab al-Asnām* [Foreword: Hishām Ibn al-Kalbi. Kitab al-Asnām. The Book of Idols], trans. from the Arabic, Foreword, and Notes by V. V. Polosin]. Moscow, Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izd-va «Nauka» Publ., 1984, pp. 9–12. (In Russ.)

17 Yanin V. L. Predisloviye [Foreword]. *Kostomarov N. I. Russkaya istoriya v zhiz-neopisaniyakh eyo glavneishikh deyatelei* [Kostomarov N. I. The Russian history in the lives of its eminent people]. Moscow, Eksmo Publ., 1990. Bk. 1, Iss. 1–3. 1069 p.

18 Atallah W. "al-KALBĪ." *The Encyclopaedia of Islam*. (2nd ed. — EI²). Leiden and London, E. J. Brill Publ., 1960–2004. Vol. IV (1997). P. 494–496.

19 Borg G. "Battle Days." *Encyclopedia of Arabic Literature*. Vol. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. Vol. 1. P. 141–142.

20 Caskel W. 'Ajjām al-'Arab, Studien zur altarabischen Epik'. *Islamica* 3, Suppl. (1930). S. 1–99.

21 Conrad L. I. "Ibn al-Kalbi." *Encyclopedia of Arabic Literature*. Vol. 1–2. London & New York: Routledge, 1998. Vol. 1. P. 340–341.

22 Dalen, B. van, Humphreys R. S., Marín Manuela, Lambton, Ann K. S., Woodhead Christine, Athar Ali, M., Hunwick J. O., Freeman-Grenville G. S. P., Proudfoot I., Blois, F. C. de. "Ta'rikh." *The Encyclopaedia of Islam*. (2nd edn — EI²). Leiden and London, E. J. Brill Publ., 1960–2004. Vol. X (2000). P. 273a.

23 *Das Leben Muhammed's nach Muhammed Ibn Ishāk bearbeitet von Abd el-Malik Ibn Hishām*. Herausgegeben von F. Wüstenfeld. Bd. I-II. Göttingen, 1858–1860. Bd. I. S. 432–475.

24 Khoury R. G. "Les sources islamiques de la "Sīra" avant Ibn Hishām (m. 213/834) et leur valeur historique." *La vie du Prophète Mahomet*. Colloque de Strasbourg (octobre 1980). Paris, 1983. P. 26–29.

25 Levi Della Vida G. "Sīra." *The Encyclopaedia of Islam*. (1st edn — EI¹). Leiden, E. J. Brill Publ., 1913–1942. Vol. VII, pp. 440–441.

26 Meyer E. *Der historische Gehalt der Ajjām al-'Arab*. Wiesbaden, 1970. 132 p.

27 Mittwoch E. "Ayyām al-'Arab." *The Encyclopaedia of Islam*. (2nd edn — EI²). Leiden and London, E. J. Brill Publ., 1960–2004. Vol. I (1986). P. 793–794.

28 Mittwoch E. *Proelia Arabum panagorum (Ajjām al-'Arab) quomodo litteris tradita sint* (Diss.). Berlin, Berolinum Mayer Publ., 1899. 159 p.

29 Schœler G. *Écrire et transmettre dans les débuts de l'islam*. Paris, Presses universitaires de France, 2002. VII+171 p.

30 Sezgin U. *Abū Miḥnaf: ein Beitrag zur Historiographie der Omayyadenzeit*. Leiden, E.J. Brill Publ., 1971. 190 p.

31 *The Cambridge History of Arabic Literature. Religion, learning and science in the 'Abbasid period*. Cambridge Univ. Press, 1990. P. 189.

32 Wensink A.J. "Khabar." *The Encyclopaedia of Islam*. (2nd edn — EI²). Leiden and London: E.J. Brill Publ., 1960–2004. Vol. IV (1997). P. 895.